

У Мавзолея Ильича

Небосвод
спокоен,
чистый, синий,
Дышит ветер,
флаги шевеля,
И сдувает
серебристый иней
С веток елей
на стену Кремля.
Мавзолей.
Гранитные
ступени.
Мрамор плит,
заснеженных
слетка,

А на них
большое слово
ЛЕНИН
Нерушимо,
прочно, на века...
В летний
полдень, зноем
накаленный,
В стужу-ль
зимнюю,
Плечо к плечу,
Через Площадь
Красную колонны
На поклон
проходят
к Ильичу.
Движутся
сплоченными
рядами,
Взор спокоен,
деловит и строг...

(Здесь, у входа,
Даже каждый камень
Отшлифован миллионом ног).
В тишине у ленинского гроба
Медленно поступью идут,
Силы новые черпают, чтобы
Укреплять свободу, мир и труд.
Ветеран,
В сраженьях закаленный,
Металлург, колхозник и кузнец,
Рядом, —
Сбросивший ярмо колоний,
За свободу пламенный борец...
Все они, одну мечту лелея,
Веря в день свободы торжества,
Здесь,
Под сенью сводов Мавзолея
Шепчут

Блятвы пламенной слова.
Бьется сердце
Силой вдохновенья,
Ясен путь, сомнению места нет.
— Все клянемся мы,
Товарищ Ленин,
Выполнить великий твой завет.
Нерушимо, твердо наше слово,
Под победным знаменем идя,
Мы к труду
И к подвигам готовы,
Сил своих
И жизни не щадя...
Ветер Родины свежей и туже
С новой силой рвется на поля
И взмывает ввысь
И в зной,
И в стужу

Флаг Коммуны
Над дворцом Кремля —
Над Москвой,
Над миром,
В небе синем,
До далеких солнечных глубин
И горит огнем неугасимым
Звезд кремлевских
Пламенный рубин.
Пробивая тучи, мрак и тени,
Будто луч большого маяка,
Впереди, как знамя, слово —
ЛЕНИН
Нерушимо.
Прочно.
На века!
Гравюра и стихи
А. КОЛОМИЙЦА.

Выставка „Бессмертное учение марксизма-ленинизма побеждает“

На стенде — портреты великих вождей трудящихся всего мира Маркса, Энгельса, Ленина. Вокруг портретов — их гениальные труды: «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, работа Владимира Ильича Ленина «О международном рабочем и коммунистическом движении» и другие произведения классиков марксизма-ленинизма.

Выставка на тему «Бессмертное учение марксизма-ленинизма побеждает» недавно развернута в библиотеке внутризаводского железнодорожного транспорта комбината. Кроме произведений Маркса, Энгельса, Ленина на выставке представлена и другая литература: книги Б. В. Александрова

«В. И. Ленин — вождь международного рабочего и освободительного движения», Ф. Меринга «Карл Маркс и Фридрих Энгельс — создатели научного коммунизма», документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, книга С. С. Сура-та «Марксистско-ленинская программа международного коммунистического движения».

Большой интерес у читателей библиотеки вызывает книга Н. С. Хрущева «За новые победы мирового коммунистического движения» (к итогам Совещания представителей коммунистических и рабочих партий).

В. АЛЕКСАНДРОВ.

Ленин будет жить вечно

В деревне, где прошли мое детство и юность, в каждой крестьянской избе висел портрет Владимира Ильича Ленина. Взрослые смотрели на портрет вождя и всегда говорили: «Наш Ильич, он простой трудовой народ в обиду не даст». Старики и старухи крестились и шептали: «Дай бог ему здоровья». Сызмальства воспитывали детей в любви к «дедушке Ленину».

И вот горе пришло в каждую семью. В морозный вьюжный день января 1924 года приехал из города партийный работник и сообщил: «Умер Владимир Ильич Ленин». Плакала вся наша деревня. Женщины причитали: «Господи, как же мы будем теперь жить без него?» Городской партийный работник собрал сходку, сказал речь. Он говорил о партии, созданной Лениным, которая поведет народ по пути, указанному Ильичем, о том, что многомиллионные массы рабочих и трудовых крестьян должны тесно сплотиться вокруг Коммунистической партии и с умноженной энергией продолжать работу, начатую Владимиром Ильичем Лениным.

...38 лет прошло, как умер Ле-

нин, но до сих пор в моей памяти ясно сохранился тот страшный день. За эти годы советский народ, выполняя заветы Ленина, построил социалистическое общество и успешно строит коммунизм. Мудрая ленинская партия — коллективный вождь трудящихся — уверенно ведет наш народ от победы к победе.

Коллектив службы пути внутризаводского железнодорожного транспорта комбината принимает активное участие в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. Мы гордимся тем, что нашему коллективу шпалопроточной установки одному из первых на транспорте Магнитки было присвоено почетное высокое звание «Коллектив коммунистического труда».

Ленин умер, но дело его живет. Оно живет в славных делах советских людей, успешно воздвигающих под руководством ленинской партии величественное и светлое здание коммунизма, о котором мечтал наш дорогой, незабвенный Ильич.

Ф. ЗУБАРЕВ,
машинист шпалопроточной
установки службы пути ЖДТ.

Ленин

Рассказ

Недалеко от нашего дома было кладбище, и до нас часто доносились рыдания вдов и матерей, потерявших на войне своих мужей и сыновей. И когда по утрам, просыпаясь в продымленной комнате, мы, дети, торопились выбежать во двор — подышать чистым воздухом, я по привычке начинал прислушиваться, не плачут ли опять по погибшим солдатам. В доме у нас все были неразговорчивы и унылы. Даже обычно словоохотливая бабушка угрюмо молчала и время от времени тяжело вздыхала.

— И что ты все вертишься возле меня? — сердилась она, когда я пытался заговорить с ней. — Оставь меня в покое, дай с мыслями собраться... Но потом, спохватившись и стараясь загладить свою грубость, ласково выговаривала мне:

— Не нужно, внучок, быть таким любопытным. Все равно всех не перебежешь. Кончится война, вернутся твои дядя домой, тогда наступит конец слезам и горю. Начнем играть свадьбы, дозовем Цецко-музыканта с его большим барабаном, пригласим все село, расставим столы во дворе — до самого гумна. И посмотришь, какое веселье пойдет!

Дедушка тоже стал хмурым, смотрел на всех испытующе: ка-

залось, что он видит тебя насквозь. Он был единственным мужчиной — не считая нас, детей, — не только в нашем доме, но и во всем квартале. Поэтому женщины часто приходили к нему выплакать свое горе, попросить совета.

От голода люди таяли, словно свечки. И все же всегда находилось что-нибудь — ремень, щавель или прошлогодние плоды, — чем бы можно было «смазать горло», как выражались нашенские. А если случится — разболеется скотина, стараются ее на ноги поднять разными травами и средствами, ну, а коли подохнет, что уж тут поделаешь — сдерут с нее кожу, из воловьей — сделают постолы, из бараньей — тулупы. А вот убитых на войне не вернуть! Эта мысль не давала дедушке покоя, от нее нельзя было найти никакого лекарства. Иногда он говорил:

— Мы с моей старухой послали на фронт трех солдат. И нас постоянно страх одолевает, не случилось бы с ними чего-нибудь... Но что поделаешь? Война... Человеческая бойня! Будь проклят тот, кто ее выдумал...

Долетали слухи, что солдаты бунтуют, не выдерживая голода, и поднимали оружие против офицеров... Позднее мы услышали

еще одну новость: будто бы Стойне Димитров дезертировал с фронта и скрывается в наших лесах. Но верны ли эти слухи? Может быть, кто-нибудь нарочно их распространяет? Дедушка был сдержанным человеком и, когда односельчанки спрашивали его об этом, отвечал:

— Не видел, не слыхал... Язык ведь без костей, на то и дан человеку, чтобы болтать...

Но однажды утром появился обезданчик и, взобравшись на тумбу в центре села, закричал во все горло:

— Эй, селяне, слушайте! С фронта убежал Стойне Димитров, по прозвищу Усет, скрывается где-то тут, в лесах и оврагах. Кто его встретит, должен немедленно сообщить в общину. Кмет приказал не давать ему хлеба, пусть с голоду подохнет. Несдобровать тому, кто посмеет нарушить этот приказ, — будет строго наказан...

Вскоре по шоссе под конвоем провели жену Стойне — Персию. Волосы ее были растрепаны, руки скручены за спиной. Двое охранников, тяжело стуча подкованными сапогами, подталкивали ее прикладами и кричали:

— Отвечай, был у тебя ночью муж?

Персия только скулила, словно побитая собака, и ничего не отвечала. Процессия направлялась в Трекляно. Бабушка проводила ее взглядом и вздохнула:

— Скоты проклятые, бабу забрали! И что она им сделала? Если муж убежал, так чем же она-то виновата?

Осень уже воцарилась в горах, долинах, в речных поймах. Леса

переливались всеми оттенками золота — от медно-красного до желтого, осыпавшаяся листва ковром покрывала влажную землю. После ясных ночей по утрам выпадал иней.

— Значит, скоро жди снега, — говорил дедушка. — Дров нет, а на отошавшей скотине трудно будет возить их из леса.

У дедушки была привычка всегда кого-нибудь брать с собой в лес по дрова. Обычно ездил бабушка или кто-нибудь из нас, старших детей. Как-то раз, спозаранку, дед помянул меня к себе: — Собирайся, прогуляемся до Златанова выгона. Дровишек наберем.

Запрягли волов, привязали к телеге торбу с картошкой, которую бабушка дала нам вместо хлеба, и двинулись в лес. В эту пору в горах было очень интересно... Слышно было, как падали с ветвей перезревшие желуди и с легким шорохом зарывались в мягкий лиственный ковер. Небольшие стада коз и овец перебежали из рошцы в рошцу в поисках пищи и влажными от росы губами смачно пережевывали ее. Земля под развесистыми дикими грушами была сплошь усыпана маленькими желтоватыми плодами. И дед всю дорогу сокрушался:

— Надо было захватить с собой мешок. Наполнили бы паданцами кашушку, наварили бы грушевой браги. Нынче груши в нашем саду совсем не уродились, вот бы дички и пригодились...

Оранжевым пламенем полыхал боярышник, в его зарослях с ветки на ветку перелетали какие-то серенькие с тоненькими клювами

птицы. Наконец, мы добрались до Тырсенцы и начали распягивать волов. Дед только было собрался покормить скотину кукурузными стеблями, как в кустах что-то зашуршало. Должно быть, дрозд или белка, решили мы. Дедушка вытащил топор и начал обрубать дубовые ветки. Мы постепенно углублялись в лес и вдруг на одной из полян натолкнулись на высокого, словно жердь, мужчину. Он был в изодранной солдатской одежде, на голове фуражка без козырька, через плечо перекинута ружье. На лесничего не похож. Я затрепетал от страха, смотрю, вроде бы и дедушка переменялся в лице, хотя по-прежнему крепко сжимал в руках топор. Незнакомец шагнул нам навстречу и улыбнулся. И я подумал, что этот бородач не так уж и страшен.

— Не пугайтесь, бай Заре, — заговорил солдат. — Ведь, кажется, мы родственники, хотя и дальние, не так ли?

Вот тут-то дедушка чуть было не выпустил топор из дрожащих рук.

— Эге-ге-е, ты ли это, Стойне? — заикаясь, начал он. — Слышали о тебе разное, но не думалось, что именно здесь тебя встретим...

Тогда я понял, что перед нами Стойне Димитров. Он протянул дедушке руку. Тот пугливо оглянулся по сторонам, желая удостовериться, что вокруг никого нет, и только после этого почувствовал себя несколько свободнее. Стойне присел на корточки и оперся на ружье. Разговорились... Дедушка сообщил ему все, что знал об односельчанах. Потом он вытащил кисет с табаком и подал его Стой-